

Пролог

— Кира хочет замуж, Агния. — Прикурив сигарету, я задумчиво смотрю на алеющий закат, наслаждаясь вечерней прохладой. Данилова останавливается, недоверчиво взглянув мне в глаза.

— За тебя?

— А ты против? — выпустив в сторону дым, задаю я встречный вопрос.

Она вздрагивает, словно от пощечины, лицо приобретает пепельный оттенок. В этот момент в душе еще теплится надежда, что у нас может быть крошечный, призрачный шанс, но Агния убивает меня одним-единственным словом:

— Нет.

Это конец. В глазах темнеет, сердце царапает острая боль, простреливающая грудную клетку. Я знал... готовился к подобному исходу, когда ехал сюда. Но, сука, нельзя быть готовым выхаркать с кровью собственное сердце.

— Тебе стоит подумать, Макс. Для брака Кира Баженова подходящая партия. — Агния прикасается к моему плечу, а я не чувствую. Вообще ничего, кроме отчаянного желания сомкнуть пальцы вокруг ее шеи и заставить наконец заткнуться, но она продолжает лить

яд на открытую рану: — Если ты женишься, это избавит нас от лишних слухов. Лера начала задавать о тебе неудобные вопросы, и в желтой прессе пишут разное.

То есть она считает, что подстилка ее мужа — подходящая для меня партия? Охуеть, это просто верх цинизма. У меня нет слов. Было бы не так унижительно, если бы она просто плюнула мне в лицо.

Криво усмехнувшись, я бросаю сигарету на идеально стриженный газон. Агния вопросительно поднимает брови, ожидая от меня хоть какой-то реакции. С трудом сдерживая кипящую в душе ярость, я кладу ладони на ее бедра и рывком прижимаю к себе.

— Ты что творишь? — Она ошарашенно округляет глаза.

— Поздравляю с юбилеем. — Наклонив голову, я грубо впиваюсь в ее губы, вкладывая в жесткий поцелуй всю свою злость и горечь.

Она сдается, отвечает, позволяя буквально насиловать свой рот. Подчиняется чисто на инстинктах, по привычке. Обычно в запертой изнутри квартире мы начинаем примерно с этого. Моя нетерпеливая грубость, ее молчаливое согласие и одержимая похоть между нами. А было ли что-то еще?

Потерявшись в знакомых ощущениях, Агния порывисто зарывается пальцами в мои волосы и скребет ногтями затылок, притягивая ближе. Ее гортанные стоны вибрируют на моем языке, посылая электрические разряды прямоком в пах. Я чувствую дрожь и жар трущегося об меня тела и собственное болезненное возбуждение. Ширинка трещит по швам, мысли вышибает напроць. Смяв ладонями упругую задницу, я подсаживаю ее на себя и рефлекторно двигаю бедрами.

— Не здесь. — Она со стоном отрывается от меня.
— Да похуй, — бросаю я и снова тянусь к ее губам.
— Здесь нельзя, Макс. — Агния упирается ладонями в мою грудь, а в глазах безумный блеск. Ее помада размазана по всему подбородку, соски призывно натягивают плотный хлопок повседневной рубашки.

— А если очень хочется? — Не отрывая ладони от ее задницы, вторую я засовываю за пояс удлиненных женских шорт. Провожу пальцами по влажной ластовице трусиков и, сдвинув в сторону, сразу ныряю вглубь. Пиздец, там потоп. — Тебе сильно хочется, Агнюш? — Я захожу в нее тремя пальцами, большим растирая набухший клитор.

— Да-а-а... не-е-ет, — сбивчиво поскуливает она, мотая головой и хватая воздух открытым ртом.

В широких темных зрачках — концентрированная похоть. Глаза закатываются от удовольствия. Каждое движение моих пальцев сопровождается пошлым хлюпаньем. Это безусловное «да».

— Быстрее, пожалуйста... дай мне больше ... — умоляет она, разводя ноги и нетерпеливо крутя бедрами.

— Больше? Что именно ты хочешь? Я не понял, Агния. — Замедляясь, я с влажным хлопком вытаскиваю пальцы.

— Трахни. Быстро и жестко, сейчас...

Сука, похотливая бесстыжая сука. Всю душу мне вымотала, ненавижу и хочу до одури. Толкаю ее в ствол ближайшего дерева, резко разворачиваю спиной к себе и стаскиваю шорты вместе с трусиками до колен. Пока расстегиваю ширинку и приспускаю джинсы, снова провожу пальцами по влажной промежности, заставляя Агнию трястись от возбужде-

ния. Ощувив первый грубый толчок, она вскрикивает, царапая ногтями щербатую кору. Мычит и кусает губы, прогибаясь под бесперебойные мощные удары. Похабные звуки сталкивающихся тел с каждым шлепком все откровеннее и громче. Я стискиваю зубы и, впечатав пальцы в стройные бедра, в бешеном темпе вгоняю в нее член.

— Презерватив, — очухивается Агния за мгновение до стремительного оргазма. — Че-ерт... — Она все-таки срывается на крик и, зажав рот кулаком, откидывает голову мне на плечо.

— Последний раз можно и без резинки, — хрипло рычу я, прижимаясь губами к ее открытой шее. Жадно втягиваю нежную кожу, наверняка оставляя следы, и продолжаю механически долбиться в ее сотрясающееся тело.

Я не знаю, что происходит, но ощущения внезапно притупляются, возбуждение угасает, в голове возникает звенящая пустота. Из чистого упрямства еще какое-то время пытаюсь закончить начатое, а потом резко отшатываюсь в сторону. Убираю опавший член в боксеры и, натянув джинсы, застегиваю ширинку.

Меня все еще потряхивает, дыхание сбито, во рту растекается горький привкус поражения. Агния дрожащими руками суетливо поправляет одежду и только потом поворачивается. Оттраханная, помятая, покрасневшая, с яркими следами засосов на шее. Наши взгляды встречаются, и меня прошибает острым осознанием. Я больше ее не хочу.

— Что? — Агния вопросительно поднимает брови, тыльной стороной ладони трет губы, думает, что дело в размазанной помаде.

— Как думаешь, охране понравится кино? — Я पि-
хаю в рот сигарету и прикуриваю от зажигалки.

— В этой части нет камер, — невозмутимо отве-
чает она. — Пойдем, мне нужно умыться и привести
себя в порядок. — Взяв меня за руку, тянет к крыльцу
гостевого коттеджа.

Оказывается, мы не дошли до него буквально десять
метров, но хотя бы убрались достаточно далеко от бе-
седки и зоны барбекю. Я не любитель показательных
секс-шоу, и по-мужски мне даже жаль ее мужа, как бы
он меня ни бесил. Врагу не пожелаешь такой юбилей
«счастливой» семейной жизни. Не верю, что Матвея
устраивает подобный расклад. Стопроцентно это была
ее идея. Двадцать лет вместе, огонь и воду прошли,
сына похоронили, а жена трахается в саду с другим. Ну
а что? Такое вот у нее утешение. Видимо, не нашла луч-
шего способа справиться с горем.

Агния заходит в дом, оставляя дверь открытой,
и терпеливо ждет на пороге, пока я докурю. Потом на-
правляется в душ, а я плюхаюсь на диван перед плаз-
мой во всю стену. Щелкнув пультом, включаю новост-
ной канал и пустым взглядом пялюсь в экран. В голове
лихорадочно мечутся мысли, постепенно выстраиваясь
в логические цепочки.

Когда она возвращается в гостиную, я озвучиваю
выводы, к которым только что пришел:

— Ты ему мстишь.

Агния замирает, бросая на меня страшный, черный
взгляд. Так и есть. Странно, что я не понял раньше.
Или не хотел понимать. В нашей истории существовали
только я и она, а ее муж всегда был лишним звеном, не
играющим особой роли.

— Не можешь простить, что Матвей купил сыну тот проклятый байк.

С окаменевшим лицом она приближается к дивану. Напряженная, как натянутая тетива, готовая в любой момент выпустить в мое сердце ядовитую стрелу. Поздно, милая, ты уже расхерачила его вдребезги.

— Я просила не говорить об Алексее, — гневно цедит она сквозь зубы.

— Хорошо, — киваю я, резко поднимаясь на ноги. — Давай поговорим о нас. — Взяв ее лицо в ладони, я внимательно всматриваюсь в мятежные глаза. — Перед тем как приехать сюда, я заскочил в Хамовники. Оставил ключи в почтовом ящике. Назад не возьму.

Ее взгляд тускнеет, наливаясь горечью.

— Я надеялась, это случится позже. Думала, у нас еще есть в запасе немного времени, — тихо произносит она, кусая подрагивающие губы. — Прости меня, мой хороший. — Порывисто обняв меня руками, Агния утыкается лбом в обтянутое футболкой плечо. Судорожно вздыхает, снова сжимая в своем маленьком кулаке мое сердце. — Я не должна была позволить тебе влюбиться, но ты... ты такой упрямый мальчишка. Не смогла устоять.

— Я не первый да? — Я с щемящим чувством провожу по ее волосам. Они такие же мягкие и шелковистые, как и в тот день, когда я прикоснулся к ним впервые.

— Нет. — Кивком головы Агния подтверждает то, что я и так знал. — Но ты последний, Макс. Это я могу тебе обещать.

— Наладишь отношения с мужем? — надтреснутым голосом спрашиваю я. Пока она еще в моих объятиях, боль от скорой потери режет по живому.

— Мы убивали друг друга слишком долго, чтобы можно было что-то исправить, — отзывается Агния с обреченностью и грустью.

Она ошибается, но я не стану ее разубеждать. Нельзя исправить только смерть, а все остальное нам по силам, если мы действительно этого хотим. Медленно тонуть в океане скорби — тоже выбор, и Агния сделала его задолго до моего появления. Кажется, теперь я понимаю, кем был для нее. Одним из маленьких островков, на которых она переживала бурю, чтобы потом снова нырнуть в свое горе с головой.

— Ты сделал Матвею подарок. Он ревновал к тебе... Гораздо сильнее, чем к остальным. — Агния внезапно запрокидывает голову, и я замечаю дорожки слез на ее щеках. Она впервые плачет обо мне. Я осторожно стираю мокрые полосы подушечками пальцев. Внутренности дребезжат, как проржавевший мотор. — Когда шоры спадут и боль остынет, ты поймешь, как много я у тебя забрала. Мне так жаль всех влюбленных дурачек, что будут после меня...

Глава 1

«Есть два пути избавить вас от страдания: быстрая смерть и продолжительная любовь».

Фридрих Ницше

Максим

Она курит в открытое окно, изящным жестом стряхивая пепел в пузатую бронзовую вазу с уродливой трещиной по середине. Агния купила ее в антикварной лавке в Милане за тридцать евро. Три года прошло, я до сих пор дословно помню, что она тогда сказала: «Искусство рождается там, где исчезает гармония».

Теперь в разбитой вазе исчезает пепел и окурки ее сигарет. И никакого искусства в этом нет. Но я вижу его в ней самой, когда она стоит ко мне спиной. Окутанная предрассветной розоватой дымкой, обнаженная, босая и задумчиво-отрешенная. Агния Данилова для меня не просто женщина, с которой я периодически сплю. Она — искушение, вызов и настоящее проклятие для любого мужчины, осмелившегося забраться в ее постель.

Приподнявшись на подушках, я люблюсь тем, как темно-каштановые волосы ласкают хрупкие плечи и густой волной струятся до середины ее спины, за-

тем прохожусь взглядом по тонкой талии, подтянутым округлым ягодицам с россыпью крошечных родинок и с сытым удовольствием залипаю на длинных стройных ногах. Пять минут назад они отлично смотрелись на моих плечах, но в тот момент я не мог оценить в полной мере их совершенство, потому как постигал острые грани наслаждения. Плавных с ней не бывает, но, наверное, поэтому я за три года отношений ни разу не взглянул на другую.

Нащупав под подушкой телефон, я навожу фокус и делаю с десяток кадров. Не удержался, хотя знаю, что она не любит, когда ее снимают.

— Сотри немедленно. — В хриловато-чувственном голосе звучит усталость.

— Ага, — согласно киваю, но мы оба понимаем, что я этого не сделаю.

В моем телефоне сотни ее фотографий, и еще столько же в зашифрованной папке в ноутбуке. Иногда мы просматриваем их вместе, после чего Агния каждый раз просит меня удалить все до единой. Но я уверен, на самом деле она хочет обратного. Ей нравятся мои работы вне зависимости от того, кто находится в кадре.

— Ты помнишь, что в эту пятницу у нас с мужем юбилей? — Затушив сигарету, она закрывает окно и, развернувшись, вопросительно смотрит мне в глаза.

Хотел бы я забыть. И о ее муже, и о чертовом юбилее, где мне придется несколько часов подряд наблюдать за семейной псевдоидиллией. Меня дико раздражает этот постановочный фарс, повторяющийся из года в год и по особым праздникам.

— Кира тоже будет? — сухо спрашиваю я.

— Разумеется. Соберемся, как обычно, вчетвером. Матвей приготовит карпа на гриле. Посидим в беседке в саду. Если хочешь, можешь остаться на ночь. — Данилова грациозно приближается к кровати и, наклонившись, подбирает с пола кружевные трусики и бюстгальтер. Пока она одевается, я смотрю на ее красивую налитую грудь с крупными темными сосками, ощущая, как стремительно тяжелеет в паху.

В этом году Агнии исполнилось сорок два, но ее подтянутое тело не уступает формам двадцатилетних моделей, периодически позирующих мне во время съемок в стиле ню. Она выглядит максимум на тридцать пять, у нее божественная фигура, бархатистая кожа и практически нет морщин, за исключением тоненьких паутинок в уголках глаз. Секрет ее неугасаемой молодости прост и состоит из трех компонентов: спорт, хорошая генетика и пластическая хирургия. В качестве четвертого можно добавить качественный регулярный секс с молодым любовником.

— Кира тоже останется на ночь?

— Понятия не имею, — равнодушно бросает Агния, застегивая молнию на узкой юбке, которую достала из-под кровати. — Кстати, я отменила твой авиабилет в Париж на субботу, — протянув руку за свисающей с изголовья блузкой, добавляет она. — Со мной полетит Матвей.

Я зависаю, переваривая услышанное. Это дурацкая шутка? Какого хрена на мою выставку в Париже с ней летит Матвей? Ладно, пусть не полностью мою, а всего лишь на десять процентов. Из головы вылетело точное число моих работ, получивших возможность украсить стены одной из самых крупных арт-галерей Парижа, но